

УДК 1(091):316.3

ВЛИЯНИЕ МЕГАТРЕНДОВ НА ПОВОРОТЫ В ИСТОРИИ ИДЕЙ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ДИЗАЙНА (ЧАСТЬ 1)

Н.Н. Равочкин

ФГБОУ ВО «Кузбасский государственный технический университет имени
Т.Ф. Горбачева», г. Кемерово

ФГБОУ ВО «Кузбасская государственная сельскохозяйственная академия»,
г. Кемерово

DOI: 10.26456/vtphilos/2022.1.033

Настоящее исследование посвящено рассмотрению влияния мегатрендов на повороты в истории идей институционального дизайна. Выявляются существенные черты мегатрендов. Автор сосредоточивается на изучении влияния на идеи институционального дизайна таких мегатрендов, как холодная война и мировой финансовый кризис 2008–2009 гг. Осуществлен социально-философский анализ причин и особенностей холодной войны. Обозначены идейные основания политико-правовых институтов, на которые опирались противостоящие блоки. Выявлено, что создание наднациональных и международных институтов явилось закономерным ответом на новый уровень вызовов, с которыми противоборствующие альянсы не смогли бы справиться, руководствуясь прежним дизайном. Определена роль динамичной идейной ревизии, благодаря которой обеспечена жизнеспособность либерально-демократических интеллектуальных конструкторов. Прослежены причины и особенности проявления финансового кризиса. Выявлены слабые места докризисной институциональной архитектоники. Отмечено, что пересмотр роли государства позволил создать институциональный дизайн, позволяющий управлять кризисом и прогнозировать возможные проявления схожих тенденций. Уточнено, что ряд государств предпочли заимствовать передовой опыт ремоделирования институционального дизайна взамен строительства собственных институтов, что предопределилось слабо развитой инфраструктурой трансляции идей от теории к практике.

Ключевые слова: *идея, мегатренд, институциональный дизайн, политико-правовые институты, мировое развитие, холодная война, финансовый кризис, акторы.*

Введение

Несмотря на кажущееся постоянство присутствия мегатрендов в дискурсах общественной жизни, справедливым все же представляется отметить его относительно недавнее появление и вхождение в оборот. Примечательно, что понятие «мегатренд» стало одним из наиболее употребительных и дискуссионных лишь с конца XX столетия, а именно после выхода одноименной книги Дж. Нейсбитта [23]. Философская оптика

к пониманию мегатрендов позволяет интерпретировать их в качестве долгосрочных тенденций, оказывающих влияние в общепланетарном масштабе, перезапускающих механизмы, трансформирующих общепринятые на определенном историческом этапе онтологические основания и задающих качественно иные векторы развития мира и контуры организации мира в будущем [8]. Рассмотрение мегатрендов является актуальной темой для современной социальной философии хотя бы по двум причинам: 1) постижение предельных оснований мира; 2) составление описаний для их последующего применения в эмпирических контекстах. Самоочевидно, что по мере ускорения динамики мирового развития в неоднородную палитру проблемных событий и явлений попадают новые мегатренды, которые зачастую связаны не только с экономическими, но и, к примеру, демографическими и/или экологическими метаморфозами.

В то же время, несмотря на внушительный корпус работ, посвященных изучению каких-либо всеобъемлющих устойчивых тенденций развития, на сегодняшний день заявленная проблематика остается изученной фрагментарно. Характерно, что недостаточно исследованными остаются такие мегатренды: 1) холодная войны, 2) мировой финансовый кризис 2008–2009 гг.; 3) пандемия COVID-19. Бесспорным является факт, что изучению холодной войны, ее причин, особенностей протекания и последствий хоть и посвящено множество трудов, однако их авторы предпочитают исследовать этот мегатренд через призму политики, сосредоточиваясь главным образом вокруг проблематики, почему мир оказался разделен на два оппозиционных блока, но не осмысливая эту коллизию в логике социальной философии. Аналогичным образом, правда уже через экономику, сформулировано абсолютное большинство исследований причин и последствий мирового финансового кризиса 2008–2009 гг., тогда как философия еще не подступала к поиску и разработке соответствующих фундаментальных категорий. Наконец, пандемия коронавируса хоть и является наиболее освещаемым мегатрендом в средствах медиа в течение последних двух лет, но нашла свое отражение преимущественно в медицинских и психологических науках.

Примечательно, что данные события первоначально были укоренены в отдельных сферах общественной жизни, их объективация и развертывание, безусловно, оказали влияние на весь глобализирующийся социум, сказавшись на изменениях мировосприятия и трансформации национальных ментальностей. Учитывая, что именно социальные идеи, продуцируемые интеллектуалами, выражают нетривиальные способы реагирования на возникающие перед обществом вызовы, бесспорным считаем детерминационное воздействие мегатрендов, фактически выступающих поворотными моментами для ревизии жизнеспособных ментальных конструктов. Вызовы, будь это риски, угрозы или возможности, прежде всего требуют реализации модернизации таких социальных структур, на которые возлагается особая роль по нормализации

общественной жизни – политико-правовые институты, уникальный дизайн которых можно усмотреть посредством изучения архитектоники данных структур в пространствах национальных государств. Более того, изменения институтов, вне зависимости от того, какой стратегии придерживаются различные акторы, реализуются посредством идейной детерминации, так или иначе воплощающей определенную модель. На наш взгляд, такая многомерная проблематика, связанная с взаимодействием целого ряда факторов, выраженная через сложные переплетения иерархических, исторических, когнитивных и равновесно-балансовых отношений, вскрывает противоречие, заключающееся в возможности выработки рациональных сценариев институциональных преобразований, которые бы обеспечивали жизнеспособность государств.

Важно подчеркнуть, что в рамках настоящего исследования интерес представляют не экономические, политические, демографические изменения, обусловленные мегатрендами, а следующие вопросы: 1) почему во всех трех кризисных ситуациях национальные государства, мировое сообщество оказались неподготовленными к ним; 2) как менялись под влиянием мегатрендов национальные общества, какие новые идеи появлялись в национальных идеологических дискурсах; 3) принимая во внимание тот факт, что идея является основой институционального дизайна, каким образом менялась политико-правовая архитектура национальных государств под влиянием мегатрендов.

Целью исследования выступает философское осмысление холодной войны, финансового кризиса 2008–2009 гг., пандемии COVID-19 как мегатрендов, оказавших влияние на историю идей дизайна политико-правовых институтов.

Мегатренд: дефиниция, сущностные характеристики

Для достижения поставленной цели прежде всего следует остановиться на дефинировании мегатренда. Как уже отмечалось, данное понятие было введено в научный оборот Дж. Нейсбиттом. Первоначально мегатренд определялся американским футурологом в качестве совокупности разворачивающихся процессов, которые способны определить внешний облик, содержание и дальнейшие пути развития американского общества в контексте глобализации. Нейсбитт также подчеркивал, что влияние этих тенденций будет настолько велико, что уже в самое ближайшее время США превратятся в качественно новый тип социума. Говоря другими словами, хоть изначально мегатренды и позиционировались в качестве вызовов для американского государства, но уже отчетливо была видна их всеохватывающая природа, которая в условиях повышения транспарентности мира способна привести к глубинным онтологическим изменениям. Впрочем, это подтверждает и сам автор, отмечая, что «почти все написанное мною о Соединенных штатах, применимо в той или иной степени ко всем развитым странам» [10, с. 18].

Самоочевидно, что по мере вариативно-интерпретационного функционирования текста Нейсбитта главный термин приобрел новые прочтения, среди которых можно выделить:

1. «Основные траектории эволюции мирового порядка» [9, с. 19], акцентирующие внимание на изменениях миросистемы в целом и эволюционном характере разворачивающихся процессов в частности.
2. «Долгосрочные и крупномасштабные процессы мирового развития, определяющие содержание текущего этапа эволюции» [5, с. 152]. Указанная дефиниция подчеркивает масштаб и перманентный характер изменений.

Перед тем как перейти к непосредственному рассмотрению заявленных мегатрендов, следует отметить их сущностные характеристики, выделенные Лебедевой М.М., которые производны из дефиниций: 1) устойчивость; 2) глобальность как охват всех мировых стран; 3) обязательный политический характер [8, с. 29–37].

Холодная война как мегатренд

Обычно под холодной войной понимается конфронтация второй половины XX в. между двумя идеологически полярными альянсами, участники которых придерживались различных социально-политических курсов [14]. Также под данным противостоянием социалистической и либерально-демократической систем понимают исторический период между Второй мировой войной и распадом Советского Союза [20]. Безусловно, антагонизм между блоками государств, в который в определенной степени и в той или иной форме оказалось втянуто большинство мировых стран, позволяет говорить о глобальном характере влияния этого события на развитие миросистемы. Смеем предположить, что в условиях начавшейся в послевоенный период глобализации именно холодная война становится первым мегатрендом, к тому же имеющим более чем долгосрочный и устойчивый характер.

Отличительной чертой данного противостояния считается то, что стороны технически не участвовали в военных действиях друг с другом, вполне вероятно по причине наличия у них ядерного оружия [14]. Другая особенность этой войны заключалась в том, что, словно по Уайтхеду, циклическое разворачивание идеологических процессов умножало конфликты и создавало те точки напряжения, которые и вовлекали в противостояние новых участников, высвечивая его мирополитический характер [3; 14; 17–20; 22]. Для социальной философии важно, что основное размежевание происходило по идейным основаниям, касаясь прежде всего альтернативных взглядов на устройство существующей миросистемы: «Развитие послевоенного мира сопровождалось новым динамизмом взаимоотношений между индивидами и обществом, усложнением общественной жизни, резким расхождением с привычным общественным

устройством и возникновением новых явлений, не соответствующих общепринятым представлениям, устанавливая изменчивость как одну из главных черт социального бытия. Нелинейность порождает неопределённость, размывающую устойчивость политико-правовых институтов и требующую от властных акторов выработки сценариев для выбора альтернативных вариантов будущего социального устройства» [11, с. 166].

Разумеется, что подходы относительно объяснения приведенных нами причин, запустивших это противостояние, кардинально отличаются. Как отмечает Р. Кангас, в СССР и союзных странах Европы политико-правовая институциональная архитектура была по преимуществу фундирована идеями марксизма (однако ранее мы дополнили этот редуцированный взгляд влиянием идей позитивистов и робеспьеристов [11]), согласно которым социалистическое устройство рассматривается как более высокий уровень общественного развития, чем капиталистическое. Продолжая рассуждения в этом ключе, именно социализм, по мнению его теоретиков, должен был стать следующим этапом политико-правовой основы общества, а среди правящих элит господствовало убеждение в том, что рабочие классы капиталистических стран выжидают удобного момента для создания государств, являющихся аналогичными СССР. В свою очередь, культура западных стран воспринималась исключительно как декадентская и коррумпированная, отживающая свои последние дни и, следовательно, обреченная на уход в прошлое [20].

Антагонизм в восприятии социалистической идеологии объясняется совершенно иным видением организации человеческого общежития, подкрепленным к тому же адаптировавшимися под актуальный контекст либерально-демократическими идеями, вследствие чего США и Европа приписывали Советскому Союзу образ угрожающего послевоенному миру «Другого». Необходимо сказать, что идейная основа институциональной архитектуры западного блока, помимо уже приведенных конструктов, включала в себя положения атлантизма, прагматизма и спенсеровской эволюционной концепции [11].

В то же время формированию агрессивного образа СССР и ОВД сопутствовали интерпретации их послевоенных экспансионистских интенций относительно продолжения коммунистической революции «до тех пор, пока она не победит во всем мире» [3, с. 33]. Сквозь идеологическую призму понимания поступков социалистического лагеря многие действия СССР и союзников воспринимались как именно как направленные на уничтожение капиталистических государств, а недавние союзники постепенно трансформировались в общего врага. Западные медиа, подключившиеся к освещению противостояния, маркировали СССР не иначе, как экзистенциальную угрозу всему миру, транслируя лозунги «Коммунизм – это смерть» [15, с. 88], а Кремль ассоциировался с оплотом автократии и тоталитаризма [20].

Более того, именно из-за дошедшего до крайности идеологического противостояния и чувства уверенности в собственной правоте обеих сторон холодная война не ограничилась одной лишь враждебной риторикой [26]. Так, готовность к защите собственного видения идеального мироустройства привела к учреждению двух международных альянсов: НАТО и Организации Варшавского договора, – а также соответствующих политико-правовых институтов, регулирующих и координирующих их деятельность. Мы видим, что особенностью противостояния является реализация социальных проектов интегративного характера, идеи которых принадлежат интеллектуалам XVIII–XIX столетий. Создание наднациональных политико-правовых институтов – подтверждение высокой роли идей для преобразований, оказавшихся витально необходимыми для решения качественно иных задач, согласуется с тезисом о том, что «противоречивый и усложняющийся послевоенный мир уже не допускал каких-либо упрощений, требуя от акторов конгруэнтных новым вызовам институтов» [11, с. 171].

Факт создания новых политико-правовых институтов после начала противостояния выступает не чем иным, как свидетельством неготовности обеих сторон к начавшемуся в международных отношениях кризису под влиянием рассматриваемого мегатренда. Важнейшим следствием создания альянсов и соответствующих политико-правовых институтов, обеспечивающих их функционирование, явилось оформление двухполюсной миросистемы [1]. Последовательная реализация новых институциональных моделей привела к тому, что действия противоборствующих блоков основывались «на неформальных и официальных связях различного уровня и характера – государственной и негосударственной природы» [2, с. 137]. Тем не менее, по нашим оценкам, да еще с учетом ярко выраженной идеологической составляющей противостояния, ведущая роль в ремоделировании дизайна политико-правовых институтов все же отводилась идеям, впоследствии получившим репрезентации и в иных сферах общественной жизни. Это можно обосновать тем, что эволюция как желаемый сценарий любого общественного развития задается и направляется концептуальными представлениями интеллектуалов и действиями влиятельных субъектов, совместно конструирующих властные институты, определяющие правила взаимодействий.

Произведенные Западом рациональным образом отбор и имплементация социальных идей, соединенных в нетривиальные и эффективные конфигурации программ будущего прагматичного дизайна политико-правовых институтов, оказавшихся трансцендентными актуальному социальному устройству и ожиданиям населения, позволили не только установить взаимную идентичность, но и разгрузить функционал властных структур. Такой подход к дизайну позволил либерально-демократическому блоку гибко осуществлять институциональные трансформации, модифицируя «правила игры» с учетом формальных и нефор-

мальных норм, что привело к оптимизации взаимодействий и дало возможность обойтись без существенных транзакционных издержек [11].

В свою очередь, руководство социалистическим блоком предлагаемой СССР одной и той же конфигурацией идей на протяжении всего противостояния позволяет зафиксировать явную недооценку властными акторами значения новых идей, что и предопределило узость и односторонний характер каких-либо теоретических поисков, свидетельствуя о гипертрофированной верности марксистским постулатам. Самоочевидно, что не выбирая какие-либо новые идеи и не адаптируя имеющуюся конфигурацию к актуальным контекстуальным реалиям посредством пересмотра дизайна архаизирующихся политико-правовых институтов, социалистический истеблишмент по мере удаления от эволюционной магистральной общественной развития вряд ли мог надеяться на победу в противостоянии [11].

Считаем необходимым отметить, что само по себе идеологическое противостояние по мере завершения холодной войны так и не закончилось. Это объясняется не только контентом международных медиа, освещающих политику, но и непрекращающимися дискуссиями по поводу нового миропорядка и поведения государств на внешней арене. Так, сторонники неоллиберализма полагают, что в глобальном мире каждая страна должна обладать равными возможностями с более могущественными государствами: сторонники неореализма подчеркивают, что достижение равноправия на международной арене невозможно, поскольку великие державы всегда требуют уважения к собственной сфере влияния со стороны других акторов и послушания со стороны соседей [24].

Мировой финансовый кризис 2008–2009 гг. как мегатренд

Под финансовым кризисом в современной научной литературе понимается «глубокое расстройство государственных финансов, вызванное войнами или другими чрезвычайными экономическими и политическими событиями» [9, с. 37]. С позиции социальной философии мы интерпретируем данные кризисные проявления как потрясения кредитно-денежной системы, способные оказать существенное негативное влияние на все сферы общественной жизни и общую устойчивость порядков целого ряда государств.

Заслуживает внимания тот факт, что существовавшая до мирового кризиса 2008 г. финансовая система основывалась на англосаксонских нарративах о дерегулировании рынка, а также либерально-демократических конструктах, в которых можно усмотреть множественные трансформации первоначальных смыслов, заложенных еще Дж. Локком, Т. Мальтусом, Д. Рикардо, Г. Спенсером. Сформированные идеи конституировали принцип «laissez-faire», подразумевавший невмешательство государства в регулирование финансовой сферы и рыночных отношений [11; 12; 16].

Будучи одобренной и принятой многими участниками международных экономических отношений, а также самими политиками, данная парадигма ослабила роль государственного контроля за финансовыми рынками. Экономический бум на рубеже XX–XXI столетий, сопровождался такими позитивными проявлениями, как: 1) высокий уровень занятости населения; 2) развитие промышленности; 3) интенсивность развития инвестиционной политики. Осуществляя выгодные операции вне реальной экономики, агенты устремились не только использовать капитал для кредитования, но и разрабатывать новые рискованные инструменты максимизации прибыли. Чрезмерно оптимистические ожидания игроков по поводу непрекращающейся сверхдоходности исчерпавших свои возможности рынков обусловили создание массивных взаимосвязанных нерегулируемых площадок для операций, многоступенчатого финансирования и производных инструментов, которые оказались весьма сложны для понимания механизмов их функционирования [4; 6; 7; 13].

Неудивительно, что невозможность восприятия чего-либо в полной мере увеличили неопределенность и непрозрачность на финансовых рынках. Отсюда дополнительными факторами набирающего темпы кризиса стали неквалифицированность и ошибочность в регулировании рынков, а также недобросовестность рейтинговых агентств по поводу роста возникающих пузырей. Интересно, что первыми с проблемами на фондовых рынках, да еще без непосредственных на то причин, столкнулись акторы из таких развитых стран, как Великобритания, Германия, США, а позднее кризис откликнулся эхом и во всем мире, сказавшись в первую очередь на практически синхронном и существенном упадке национальных ВВП [21, р. 407]. Инженеры давшей сбой финансовой модели, по мнению Т. Шаклеиной и А. Байкова, «нарушили баланс между государством, обществом и бизнесом, встав на путь освобождения последнего от существенных ограничений со стороны государственных и общественных институтов. В неолиберальном проекте роль рынка как финансово-экономического механизма не просто возросла – она оказалась гипертрофированной» [9, с. 47].

Комплексная реализация ошибочных стратегий развернула ситуацию нехватки дешевых кредитов, при которой созданные финансовые структуры не справлялись с увеличивающейся нагрузкой. Неспособность данных установлений предоставить сколько-нибудь валидные ответы на стремительно появляющиеся вопросы или же предложить объяснения новой реальности, конституированной бурным развитием экономических отношений, по сути, является свидетельством попадания государств в институциональные ловушки. Развернувшиеся на этом фоне масштабные кризисные тенденции способствовали не какому-то будничному росту социального напряжения, с которым можно справиться проверенными методами, но привели к объективации реальных проблем. Ключевые особенности не сводимого к каким-либо аналогиям

мегатренда были обусловлены глобализацией экономики, высокой ролью информации и беспрецедентной скоростью ее распространения, продемонстрировав взаимозависимость национальных экономик от мировой конъюнктуры [4;6;7;13]. По сути, практика показала, что эффективность рынков дешевых кредитов имеет определенные лимиты, поскольку данная модель не способна обеспечить долгосрочное устойчивое экономическое развитие, но, наоборот, скрывает в себе глубинные противоречия рыночной экономики и таит реальную угрозу дефолта.

Несмотря на потребности незамедлительной реализации практических действий для стабилизации ситуации, политико-правовой дизайн национальных институтов, как, впрочем, и в ситуации с холодной войной, оказался неподготовленным к новым вызовам. На начальном этапе лидеры G20 и представители крупного бизнеса не сумели предложить меры стимулирования по преодолению кризиса, в лучшем случае могли лишь смягчить его. Однако очередной раз политико-правовым институтам удалось доказать свое приоритетное место среди установлений прочих сфер общественной жизни. Опыт солидарных мер действий властных структур развитых стран, основанный на пересмотре, казалось бы, уже неактуальных идей, отражающих неизбежность вовлечения государства в регулирование финансовых рынков и создания ужесточенных механизмов, позволил не просто сделать кризис управляемым, но и усовершенствовать практики прогнозирования и предупреждения воспроизводства подобных событий. Вне зависимости от содержания национальных и региональных вариантов реализованных на практике протекционистских идей, политико-правовым институтам удалось повысить общий уровень координации экономик. Для выхода из кризиса были изменены нормы налогообложения ведущих банков, повышены требования к их уставному капиталу, была создана совершенно новая система регулирования рынков [21, р. 409].

Политико-правовые институты, направленные на регуляцию рынка, основывались на адаптированных под актуальные реалии идеях, которые, не отказываясь полностью от рыночной экономики, стремились избавиться от отдельных положений экономического неолиберализма [21, р. 406]. При этом заслуживает внимания факт того, что понятие «дерегулирование» было исключено из экономической идеологии, на смену «свободному рынку» пришла «сильная рука государства», а властные акторы возложили на себя контроль над рынками и ответственность за финансовую стабильность [16; 25]. Следствием указанного кризиса стала смена финансовой идеологии и идеологии регулирования, государства стали восстанавливать собственную власть над финансовыми рынками в такой степени, которая не наблюдалась после краха Бреттон-Вудской системы в 1971 г. [21, р. 406]. Финансовый кризис не только затронул различные социально-экономические институты, но сказался на разломах

«экономического сознания, сформировавшегося в те же годы и материализовавшегося в этих структурах и практиках» [9, с. 37].

Идеи, воплотившие обновленный институциональный дизайн под влиянием данного мегатренда в логике сетевого подхода, де-факто обусловили переход целого ряда развитых стран к когнитивной экономике. Данный тип организации хозяйственного уклада акцентирует внимание на производстве и дистрибуции инноваций, а для его эффективного функционирования необходимы настройки широкой сети различных институтов для регулирования деятельности многочисленных агентов. Прописывание новых повышенных требований к институтам является витальным условием превенции возможностей появления новых кризисов, недопущение которых напрямую зависит от потенциала генерирования наукоемкими рынками большого объема вторичных инноваций и опережающего развития нано- и биотехнологий, химии, фармацевтики и цифровых технологий.

Понятно, что далеко не всем странам вследствие финансового кризиса удалось создать собственный уникальный институциональный дизайн. Неразвитая инфраструктура дистрибуции идей от интеллектуалов к реальной практике и воплощение институциональных преобразований привели к тому, что ряд государств заимствовал западные интеллектуальные конструкты. Это объясняется тем, что процессы заимствования идей для последующего импорта аналогичных по форме установлений воспринимаются как выгодное предприятие, поскольку, как кажется актерам институциональных преобразований, связаны с гораздо меньшими транзакционными издержками, чем выращивание собственных институтов. Однако, не берясь оценивать эффективность переноса институтов теми или иными странами, укажем, что без адаптации идей и соответствующих структур к параметрам собственного контекста любые издержки будут только увеличиваться, отклоняя страны от желаемых траекторий развития, усугубляя эффект колеи и умножая институциональные разрывы.

Список литературы

1. Баталов Э. Современные глобальные тренды и новое сознание // Международные процессы. 2012. Т. 10. № 1 (28). С. 4–17.
2. Войтоловский Ф.Г. Единство и разобщенность Запада. Идеологическое отражение в сознании элит США и Западной Европы трансформаций политического миропорядка 1940–2000 гг. М.: КРАФТ+, 2007. 464 с.
3. Громыко А.А. Истоки и влияние Холодной войны на мировую политику // Современная Европа. 2016. № 1 (67). С. 26–38.
4. Динкевич А.И. Мировой финансово-экономический кризис (Опыт структурно-функционального анализа) // Деньги и кредит. 2009. № 10. С. 23–30.
5. Клепацкий Л.Н. Глобальные проблемы и их изучение: учебник нового поколения для магистрантов // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История.

Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. 2016. № 2 (4). С. 152–159.

6. Круглова М.С. Теория мезо-институтов Клода Менара и ее использование в институциональном дизайне // Журнал институциональных исследований. 2018. Т. 10, № 3. С. 49–57.
7. Купряшин Г.Л. Институциональный дизайн и концептуальные ориентиры модернизации государственного управления // Государственное управление. Электронный вестник. 2011. № 26. С. 4.
8. Лебедева М.М. Современные мегатренды мировой политики // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63, № 9. С. 29–37.
9. Мегатренды: основные траектории эволюции мирового порядка в XXI веке / под ред. Т. Шаклеина, А. Байкова. М.: ЗАО Издательство «Аспект Пресс», 2013. 448 с.
10. Нейсбит Дж. Мегатренды. М.: АСТ, 2003. 380 с.
11. Равочкин Н.Н. Роль идей в становлении и трансформации политико-правовых институтов: теоретико-методологические и прикладные аспекты. Кемерово: КузГТУ, 2021. 258 с.
12. Равочкин Н.Н. Транснациональные корпорации и гражданское общество как акторы сетевого общества // Искусственные общества. 2021. Т. 16, № 2. С. 9.
13. Симченко Н.А., Филонов В.И. Институциональный дизайн развития сетевого взаимодействия в цифровой экономике // Экономика и управление: теория и практика. 2020. Т. 6, № 3. С. 73–78.
14. Холодная война. // Большая российская энциклопедия. [Электронный ресурс]. URL: https://bigenc.ru/domestic_history/text/4695882 (дата обращения: 22.02.2022).
15. Axelrod A. The real history of the Cold War: a new look at the past. New York; London: Sterling, 2009. 451 p.
16. El-Erian M. Market fatigue: The Anglo-Saxon model has taken a knock [Электронный ресурс]. URL: <https://www.economist.com/special-report/2009/10/03/market-fatigue> (дата обращения: 28.12.2021)
17. Gaddis J.L. On Starting All Over Again: A Naïve Approach to the Study of the Cold War // Odd Arne Westad, Reviewing the Cold War: approaches, interpretations, theory. London: Frank Cass, 2000. P. 27–43.
18. Gaddis J.L. The Cold War. London: Penguin UK, 2011. 352 p.
19. Gaddis J.L. We Now Know: Rethinking Cold War History. Oxford: Oxford University Press, 1997. 425 p.
20. Kangas R. Cold War [Электронный ресурс]. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1002/9781444338232.wbeow128> (дата обращения: 11.01.2022)
21. Mackintosh S. Crises and Paradigm Shift // The Political Quarterly. 2014. V. 85. № 4. P. 406–412.
22. Mingst K.A., Arreguin-Toft I.M. Essentials of International Relations. New York; London: W.W. Norton & Company, Inc, 2017. 545 p.
23. Naisbitt J. Megatrends: Ten New Directions Transforming Our Lives. New York, Warner Books, 1982. 290 p.

24. Steel R. A Superpower Is Reborn [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nytimes.com/2008/08/24/opinion/24steel.html> (дата обращения: 28.12.2021)
25. Strange S. The Retreat of the State: The Diffusion of Power in the World Economy. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. 218 p.

IMPACT OF MEGATRENDS ON TURNS IN THE HISTORY OF INSTITUTIONAL DESIGN IDEAS (PART 1)

N.N. Ravochkin

Kuzbass State Technical University named after T.F. Gorbachev, Kemerovo
Kuzbass State Agricultural Academy, Kemerovo

This study examines the impact of megatrends on turning points in the history of institutional design ideas. The essential features of megatrends are revealed. The author focuses on studying the influence of such megatrends as the Cold War and the World Financial Crisis of 2008–2009 on the ideas of institutional design. A socio-philosophical analysis of the causes and features of the Cold War has been carried out. The ideological foundations of the political and legal institutions on which the opposing blocs relied are outlined. It was revealed that the creation of supranational and international institutions was a natural response to a new level of challenges that opposing alliances could not cope with guided by the previous design. The role of dynamic ideological revision is determined, thanks to which the viability of liberal democratic intellectual constructs is ensured. The causes and features of the manifestation of the Financial crisis are traced. Weaknesses of the pre-crisis institutional architectonics are revealed. It is noted that the revision of the role of the state made it possible to create an institutional design that allows managing the crisis and predicting possible manifestations of similar trends. It is clarified that a number of states preferred to borrow the best practices of institutional design remodeling instead of building their own institutions, which was predetermined by a poorly developed infrastructure for translating ideas from theory to practice.

Keywords: *idea, megatrend, institutional design, political and legal institutions, world development, Cold War, Financial crisis, actors.*

Об авторе:

РАВОЧКИН Никита Николаевич – доктор философских наук, доцент кафедры истории, философии и социальных наук ФГБОУ ВО «Кузбасский государственный технический университет имени Т.Ф. Горбачева»; доцент кафедры гуманитарно-правовых дисциплин ФГБОУ ВО «Кузбасская государственная сельскохозяйственная академия», г. Кемерово. E-mail: nickravochkin@mail.ru

RAVOCHKIN Nikita Nikolaevich – PhD, Associate Professor of the Department of History, Philosophy and Social Sciences, Kuzbass State Technical University named after T.F. Gorbachev; associate professor of the Department of Humanitarian and Law disciplines, Kuzbass State Agricultural Academy, Kemerovo. E-mail: nickravochkin@mail.ru